

Давно я не хохотала так беззаботно и бездумно, как на спектакле Русского театра «Не верь глазам своим, или Мужской род, единственное число». Точнее, во втором акте, ближе к финалу. Когда закрученный сюжет лихо раскручивается, стремясь к развязке. Когда, кажется, уже перебраны все варианты — как объяснить Луи сложившуюся ситуацию, не говоря ему правды. Когда мужчины сдались, взвалив решение на даму. И когда Матильда находит все-таки выход, не особо, правда, заботясь о логической связи своего рассказа. И когда выясняется, что последнее слово в этой комедии остается все-таки не за ней...

Правда, стоит посмотреть, как очаровательно актриса Светлана Орлова выводит свою Матильду из затруднительных положений. Как наивно-агрессивно Жесант актрисы Ларисы Саванковой прокладывает путь к своему счастью. Как детски

она заключена в слишком длинной фразе — тормозит темп, что, в свою очередь, ослабляет интерес.

«Не верь глазам своим» — третья премьера театра в недавно начавшемся сезоне, зрители уже познакомились со «Страданиями молодого Глумова» и «А поутру они проснулись» — имена А. Н. Островского и В. Шукшина давно не украшали афишу нашего театра, и постановка их произведений, бесспорно, отраднее. Причем все три новинки сезона обращают на себя внимание актерскими работами. О французской комедии уже говорилось, есть бесспорные удачи и в спектаклях по Островскому и Шукшину.

О «Страданиях молодого Глумова» хотелось бы поговорить особо. Это дипломный спектакль выпускника Ленинградского института театра, музыки и кино Александра Сухочева. Согласись, что выбрать для постановки «На всякого мудреца довольно простоты» в се-

СПЕКТАКЛИ И РОЛИ

простодушно Луи актера Игоря Рогачева замечает только те повороты сюжета, которые ему положено по этому сюжету замечать. Как элегантно увидающий светский лев Альбер Ламар актера Бориса Трошкина встречает удар судьбы. И, наконец, сколько красок и возможностей находит актер Эдуард Томан в роли трансверта — бывшей Марии-Луизы, а ныне полковника армии США Фрэнка Хардера с неугасшим материнским инстинктом.

Комедия Жан-Жака Брикера и Мориса Ласега, обыгрывающая модную ныне тему трансвертов, не претендует на глубину, как не претендует на нее и спектакль, поставленный Михаилом Морейдо. Не он элегантен (оформление художницы Марианне Куурме), смел, хотя русский перевод довольно тяжеловесен, и диалоги не столь отточенно остры, как могли бы быть. Комедия положений существует по своим правилам, и любая заминка — даже ес-

зон, когда гремит ленок-монский «Мудрец» — нужно быть полностью уверенным в верности своего прочтения. Дистанция в сезон оказалась огромной. И если захаровский «Мудрец» оказался, так сказать, используя терминологию полутравековой давности, спектаклем «дореформенным», где наряду с монархами старой власти и наглостью новых на нее претендентов жила свобода разоблачения и какая-то надежда на то, что названного — устыдятся, то спектакль дипломника А. Сухочева — спектакль «пореформенный», в нем маятник надежды уже откатнулся в другую сторону, причем амплитуда увеличилась. Я не сравниваю мастера и дебютанта, я говорю о новой ноте, которой русская классика откликнулась на изменение ситуации. Сегодня Крутицкие и Мамаевы смотрят в будущее с большей уверенностью, чем вчера — и замечательный дуэт Херардо Контрераса и

Владимира Ермолаева, уютно оседлавший деревянные скакуны-качалки, донельзя добродушен — нельзя сердиться на молодежь, даже если она дерзит, ведь все наперед известно, ничего не изменится, ну разве что одежды поменяются, а так... Ну, что изменилось по сути, если Софья Игнатьевна Турсулина, богатая вдова, предстала перед нами не с картины Малавина, а словно с полотна придворного живописца: затянутая в элегантное платье, с лорнетом в руках, — исполняющей романс из народной жизни (очень впечатляющая работа актрисы Татьяны Маневской)? Да ничего не изменилось — как была она беспросветно темной, доверяющей только советам потусторонних сил — так и осталась. Или что изменилось оттого, что Клеопатра Львовна Мамаева актрисы Тамары Солодовниковой всего лишь самую малость маскирует истинные свои намерения по отношению к молодому Глумову? Или

что мать главного героя не богобоязненна, а кокетлива (актриса Анастасия Бедрединова)? Или Манефа вместо старой вальняжной прои-дохи оказывается молодой городской оторвой, ничуть не стыдящейся своего промысла, причем актриса Елена Афонина ведет свою роль точно и элегантно. (Отвлекусь — временами этот спектакль напоминал мне другого Островского, поставленного на этой же сцене в 70-х Виталием Черменевым: «Свои люди — сочтемся» были такими же ивово озорными.) Или Голутвин — Сергей Черкасов — где, интересно, раз-ночинцы научились подли-чать?

Форма спектакля избавляется от тяжеловесной медлительности. Но суть — бессмертна и непреходяща.

Глумова играет Эдуард Томан, играет так, что где-то рядом мнится Чацкий. Играет «лишнего человека», решившегося взяться за

ум. И выливающего слишком ретиво — не успев избавиться от прежних «предрас-судков» в виде честности перед самим собой. Этот Глумов бессмертен так же, как этот Крутицкий и этот Мамаев, как эта СИСТЕМА, жизнеспособность которой построена не на индивидуальном таланте, а на способности «петь хором», под-держивая друг друга. Глумов слишком индивидуален для этого общества — вот первая попытка и сор-валась. Но вторая — не сор-вется. Глумов — Томан на-стоят-ко индивидуален, что в его исполнении роль звучит как гастролерская, а весь спектакль — как чере-да неких спен-скетчей со сквозными героями, разво-рачивающихся на фоне из-вечного русского пейзажа с часовенкой (художник — Владимир Анион, дипло-мик того же института).

«Русь, куда несешься ты? Дай ответ! Не даст ответа...»

Э. КЕКЕЛИДЗЕ.

На снимке: сцена из спектакля «Страдания молодого Глумова».

Фото Ф. Ключина.